

Свящ. Антоний Лакирев

Что есть Бог?

На протяжении столетий религиозная мысль человечества, особенно христианская мысль, искала ответ на вопрос о том, что есть Бог; нередко казалось, что на него вообще невозможно ответить. Любые попытки позитивных определений оказывались ущербными, так что многие мыслители вообще считали возможным говорить только о том, что **не есть** Бог. Подобная неопределенность с таким, казалось бы, основополагающим понятием, тем не менее, довольно естественна. Нам мешает говорить о Боге и приблизительность человеческого языка (любого), и несоотнесенность Бога и нашего опыта, и многие малопригодные модели, сохранившиеся в качестве культурного наследия.

Культурные стереотипы, бытующие в современной России, подразумевают, что церковной вероучение должно ясно и четко ответить на вопрос о том, что есть Бог. На самом деле, как это часто бывает со стереотипами, это недоразумение. Учение Церкви, в частности, догматическое учение, выковывалось в тяжких и долгих спорах не для того, чтобы дать позитивное определение Бога, а для того, чтобы обезопасить верующих от явно ошибочных направлений богомыслия (мышления о Боге). Это важно, потому что знание Церкви на самом деле является не столько знанием **о Боге**, сколько знанием **Бога**, опытом отношений с Ним. И вот что в этом опыте отношений Церкви с Богом поддается позитивной (катафатической) формулировке:

Бог – один. Собственно, это не нуждается в комментариях и разъяснениях; тем не менее единственность Бога отнюдь не была очевидна человечеству, а многим не очевидна и по сей день. Откровение Бога о том, что Он – один и нет иного, представляет собой краеугольный камень всей библейской традиции. Если поставить его под сомнение, христианство просто перестает существовать.

Таким образом, кроме Единого Бога, Творца неба и земли, все остальное (и все остальные) – сотворено. Помимо прочего отсюда следует, что все, что люди считают божествами, вся гигантская мифология политеизма, – в лучшем случае заблуждение. Иногда это заблуждение является добросовестным, но суть дела от этого не меняется. Именно поэтому христианство невозможно «интегрировать» в синкретические религиозные системы, его ни с чем нельзя «совместить». Такая эксклюзивность часто вызывала и вызывает критику, но тут уж ничего не поделаешь.

Бог – личность. Древние не знали понятия «личность» в нашем современном понимании этого слова; оно создано и осмыслено, в сущности, только христианами...

*Греки в те времена пользовались термином *prosopon*, личина; они мыслили личность как маску, надетую на некую безликую субстанцию, общую всем людям. Римляне, напротив, использовали слово *persona*, персона; они в первую очередь имели в виду единицу, ответственную перед законом. Поэтому св. отцам пришлось изыскать слово *hypostasis*, ипостась, почти лишенное содержания в греческом языке первого тысячелетия, и воспользоваться им для того, чтобы избавиться от неадекватных слов современного им языка.*

...В наше время мы называем личностью единую и неделимую нематериальную сущность человека, и каждый из нас может если не понять, то хотя бы почувствовать, что такое личность на собственном примере, потому что каждый человек – личность, и в этом он подобен Богу. Личность – это тот, кто обладает сознанием и волей, разумом и творческой способностью, и многое другое... Я – это я, как сказал однажды Моисею Сам Бог. Для современного человека важно помнить, что личность не ограничена одной только рациональностью; не зря древние часто называли ее душой или сердцем. Личность, кроме того, не привязана (насколько мы можем судить) «намертво» к конкретному материальному носителю (например, мозгу) и не субстанциональна, то есть ни из чего не состоит. Коротко говоря, личность Бога мы мыслим по подобию нашей личности, помня, что на самом деле это мы – Его образ и подобие.

Бог – Троица. Человеческая личность наиболее явным образом являет себя в **отношениях** с другими. Но нас, в отличие от Бога, много, а Бог, как было сказано выше – один. Спрашивается, в каких межличностных отношениях являет себя Бог как личность?

Этот вопрос не так безобиден, как кажется на первый взгляд. Нередко именно он заставлял религиозных мыслителей ставить под сомнение монотеизм, веру в единственность Бога. Некоторые также ставят под сомнение Его свободу, полагая, что Он вынужден сотворить мир и человека, чтобы, если так можно выразиться, было кого любить. И тот, и другой способы рассуждений для христиан неприемлемы, потому что Бог безусловно един и единственен, и Бог безусловно свободен в Своих действиях.

Приход в мир Господа Иисуса Христа, в Котором, по слову ап. Павла, обитает вся полнота Божества телесно ([Кол. 2:9](#)), заставил задуматься о таких, на первый взгляд, нелепых вопросах, как вопрос о том, Кого Господь Иисус называет Отцом, в Чьи руки Он предаёт дух на Кресте? Подобные вопросы возникли (не могли не возникнуть у апостолов, иудеев и, следовательно, строгих монотеистов) и в тот день Пятидесятницы, когда Дух Святой вселился в их сердца. Если Сам Бог в нас взывает «Авва, Отче» ([Рим. 8:15](#), [Гал. 4:6](#)) – кто и к кому при этом обращается? Так было сформулировано основополагающее для христианства учение о Едином Боге – Троице. Три Лица (Отец, Сын и Дух) – не три бога, но Один, и это не противоречие, а парадокс. Как такое возможно – мы не знаем, можем лишь догадываться и строить слабые аналогии, но факт остается фактом. Именно отсюда следует еще один важный факт о Боге:

Бог – непостижим. *Aperinoetos*, неохватный для ума, непостижимый и неизреченный – так называют Бога христиане в молитве Литургии свт. Иоанна Златоуста. Сколь глубоко бы мы ни проникли в тайну Бога, никогда мы не сможем утверждать что все в Нем поняли; Сам Бог открывает Себя людям не в дискурсивных определениях, не в словах и «рассказах», а в живой личности Иисуса из Назарета.

На самом деле многие христианские мыслители неявно полагают, что человек (в его нынешнем греховном, отчужденном от Бога состоянии) иначе, как через Откровение Самого Бога не может узнать о Нем вообще ничего. Более радикальная точка зрения утверждает, что и изначально, в замысле Бога о человеке, предполагается возможность для нас знать Бога, а не знать о Боге. Пользуясь терминологией Мартина Бубера, можно сказать, что о Боге нельзя говорить в третьем лице, «Он», а только в первом – «Ты».

С непостижимостью Бога тесно связан еще один ключевой факт библейского Откровения:

Бог – иной. Бог не является частью творения, и творение не является частью Бога; они принципиально иноприродны друг другу. Потому, быть может, Бог и непостижим для нас, что Его природа иная, чем наша и всего тварного мира. Более того, неочевидно, что рассуждение о природе Бога было бы корректным... Свв. отцы поэтому предпочитали говорить не о **природе** (греч. *physis*), а о сущности (греч. *ousia*). Иноприродность, трансцендентность Бога и делает таким

длинным и сложным ответ на вопрос «Что есть Бог».

Я есмь Сущий. Когда Моисей спросил у Бога о Его имени, Господь дал ему ответ, над загадкой которого три с лишним тысячелетия бьются те, кто принял всерьез и этот ответ, и все Откровение Бога. «Я есмь Сущий», сказал Господь. Это священное Имя Божье само стало величайшей святыней и употреблять его по пустякам невозможно. При этом Тетраграмматон (четырёхбуквенное имя, потому что на древнееврейском оно записывается четырьмя буквами) не просто имя собственное, идентификатор, служащий для того, чтобы отличать его носителя. Бога просто не от кого **отличать** по имени, потому что нет никого, подобного Ему. Тетраграмматон – весьма глубокое и разностороннее **утверждение** о том, кто такой Бог. В данном случае для нас важно, что Бог – это Тот, Кто существует, Кто неизменен и Кто живет вне зависимости от хода времен. Собственно говоря, богооткровенное Имя означает, что только Бог и существует безусловно, все **остальное** Им сотворено и существует потому, что такова Его воля.

*Здесь нужно отметить, что обусловленность существования тварного мира, отличающая его от Бога, не означает абсолютной предопределенности всего хода событий мировой истории. Бог даровал **свободу** некоторым из сотворенных Им существ (людям, в частности) и принимает на Себя ответственность за такое творение. Кроме того, безусловное существование подразумевает безначальность и бесконечность; по словам свт. Василия Великого, иноприродность твари и Творца означает, что тварь имеет начало, следовательно, будет иметь и конец и, кроме того, характеризуется изменчивостью. Наконец важно обратить внимание на то, что Бог живет вне времени, в прошлом, настоящем и будущем и во все времена сразу Он – один и тот же. Именно это, а не бесконечную длительность во времени, христиане называют вечностью.*

Бог – Творец. Поскольку мы так или иначе переживаем (чувствуем, испытываем, осознаем и т.п.) свое существование, бытие, и при этом верим, что только Бог существует безусловно (безначально и беспричинно), постольку мы знаем о Боге, что Он – Творец. Несмотря на громадные усилия науки, мы не слишком близки к пониманию того, **как** Он это делает; тем не менее факт налицо: мы можем поэтому на вопрос «Что есть Бог?» сказать, что Бог – это Тот, кто свободно (без внешней причины) творит мир из ничего.

Бог – Спаситель. Реальная история мира и жизнь каждого человека неизбежно отравлена смертью, небытием, принять которое для человека невозможно. Бог сотворил нас для жизни, и мы противимся смерти, хотя сами в ней и виноваты. Бог же – Тот, кто возвращает нас к жизни; на Кресте Он разделил с нами наше страдание и смерть, чтобы уничтожить их. На вопрос «Что есть Бог?» с точки зрения христиан достаточно сказать, что Бог – это Тот, Кто ради нас победил нашу смерть и дает нам участие в Его жизни, вечной и неподвластной смерти. Бог отдает нам Свою жизнь не потому, что мы этого заслужили – «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (**Рим. 5:8**). Ничто, кроме любви к нам, не вынуждает Его так поступить. И перед лицом этой жертвенной любви Христа на первый план выходит не то, что такое Бог, а то, как мы ответим на Его любовь. В современном языке люди обычно называют верой принятие каких-то утверждений без доказательств; замечательный библеист еп. Кассиан (Безобразов) писал: «вера в библейском смысле есть стремление того, кто верит, к совершенному и полному единству с Тем, в Кого он верит».